Сообщество как основа социального благополучия: государство, рынки, школы и другие субъекты «инклюзивного локализма»[1]

Рецензия на книгу: Раджан Р. Третья опора: как рынки и государство пренебрегают сообществом / Пер. с англ. М. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2025. — 488 с.

И. В. Троцук, Р. Р. Ишмухаметов

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Ишмухаметов Рустам Рифатович, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования Республики Башкортостан. Ул. Мингажева, 120, Уфа, Республика Башкортостан, 450005. E-mail: rustish@list.ru

EDN: QKCSWP

Рецензируемая книга будет интересна широкому кругу достаточно подготовленных читателей (в силу сложности используемой терминологии) по нескольким причинам. Во-первых, ее автор обладает оптимальным для подобного объемного обобщающего тома экспертным знанием: профессор Чикагского университета, в прошлом он был главным экономистом и главой отдела исследований Международного валютного фонда (консультирование развитых и развивающихся стран) и управляющим Центрального банка Индии (реформирование национальной финансовой системы), сочетает академическую деятельность с уникальным бизнес-опытом. Во-вторых, аннотация обещает читателю «непривычный для экономистов взгляд на социальные и экономические последствия глобализации и влияние, которое они в конечном итоге оказывают на политику»[2] (упоминается и конкретное проявление этого влияния — по-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

2. По сути, обещая читателю научно-экспертное повествование в духе книги: *Скотт Дж.* (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга; см. также: *Никулин А. М.* (2003). Власть, подчинение и сопротивление

пулизм)[3], заявляя в качестве объекта исследования «три основные силы — государство, рынки и сообщества», взаимодействие которых может все разрушить или же вернуть к стабильности, а в качестве предмета — возможности «укрепления и расширения прав и возможностей местных сообществ как противоядия от растущего чувства безысходности» (с. 4). В-третьих, социологи (не только сельские или представители качественного подхода) действительно сосредоточены на изучении сообществ[4], поэтому могут солидаризироваться с авторской критикой любой экономической модели (даже макроуровня — когда речь идет о взаимоотношениях государства и рынка), не учитывающей социальное измерение общественной жизни в виде «паутины человеческих отношений, ценностей и норм». И, наконец, судя по заявленному содержанию, читатель может рассчитывать на интересные и, вероятно, убедительные иллюстрации из разных стран (как минимум из обобщенного Запада и Индии), которые, как выяснится при чтении, зачастую сопровождаются противоречивыми концептуализациями и оценками, что делает книгу не только информативной, но и крайне дискуссионной (в первую очередь с политико-экономической точки зрения, но не только).

Следует учитывать, что русский перевод книги несколько задержался — впервые она была опубликована в 2019 году: некоторые утверждения автора «устарели» в том смысле, что многие его оценки (преимущественно позитивные) утратили актуальность и релевантность (а предельно широкие обобщения вызывали вопросы и на момент издания книги). Яркий пример — звучащая сегодня, в условиях множества вооруженных конфликтов, в том числе затронувших поставки продовольствия и энергоносителей, просто утопично оценка: «мы [кто? явно не обобщенное человечество всего мира] окружены изобилием: человечество никогда не было так богато, как сейчас, что стало возможным благодаря постоянному

в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 1.

3. См. подробнее в: *Nikulin A., Trotsuk I.* (2022). Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below” // Politics and Policies of Rural Authenticity / Ed. by P. Pospěch, E. M. Fuglestad, E. Figueiredo. Routledge; *Nikulin A. M., Trotsuk I. V.* (2022). Humanitarian populism // Russian Sociological Review. Vol. 21. № 4.
4. См., напр.: *Божков О. Б., Никулин А. М., Полещук И. К.* (2020). Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 4; *Гусаков Т. Ю.* (2023). Развитие социального капитала сельской местности на Крымском полуострове (на примере села Новоалексеевка) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 1; *Попов Е. А.* (2022). Социальные функции сельских фермеров (на примере Алтайского края) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 22. № 3; *Фадеева О. П.* (2019). Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. № 4.

улучшению технологий производства на протяжении последних двух с половиной столетий; не только развитые государства стали богаче; миллиарды людей [сомнительно] в развивающихся странах [еще более сомнительно] перешли от тяжкой бедности к комфортному существованию среднего класса всего за одно поколение [в развитых странах можно наблюдать и обратный процесс]; доходы в мире распределены гораздо более равномерно, чем когда-либо прежде [только если измерять «среднюю температуру по больнице»]». Впрочем, автор имплицитно признает эфемерность провозглашаемого им изобилия, отмечая настолько сильную тревогу среди успешных людей в развитых странах, что они выбирают отказ от столь прекрасной (изобильной) жизни — физический или метафорический (посредством многообразных версий социального эскапизма).

Главную причину растущего уровня глобальной тревоги среди вполне благополучных людей автор видит в слишком успешном и быстром, но одновременно опустошительном техническом прогрессе, который «непропорционально обогащает и усиливает власть немногих», оставляя за бортом «умеренно квалифицированных работников», а радикальные политики используют ситуацию в своих интересах, направляя общественное недовольство против мигрантов и импорта (с. 10) [вряд ли сегодня такие линейно-простые объяснения в принципе работают]. Чтобы пережить «критический момент в истории человечества, когда ошибочно сделанный выбор может пустить под откос экономический прогресс» (с. 11), автор предлагает читателю путь поиска и выстраивания баланса между тремя главными опорами общества — государством (структура политического управления в стране, центральное правительство) и рынками (частные экономические структуры, способствующие производству и обмену в экономике), этими двумя привычными подозреваемыми во всех общественных проблемах, которые обычно выступают в тандеме и всесторонне исследованы, а также сообществом (не виртуальная, а реальная социальная группа, члены которой живут в одной местности, управляются общей властью, имеют общее историческое и культурное наследие, несводимое к конфессиональному[5]). Автор уверен, что именно сообщества (третья опора общественного благополучия) часто остаются без должного внимания и потому становятся слабыми, хрупкими и даже дис-

5. Подразумевается плотная сеть неформальных отношений как противоположный рыночному расчету полюс шкалы-континуума в духе классического разведения общности и общества. См. подробнее: *Тённис Ф.* (2002). Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль; *Кильдюшов О. В.* (2023). Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 1.

функциональными с точки зрения своих ключевых функций: привязки к реальным сетям взаимоотношений, формирования чувства идентичности и ощущения контроля над своей жизнью, обеспечения участия в структурах местного самоуправления и школьного обучения, открывающего дорогу к жизненным возможностям (пример дисфункции, характерной для российских сельских сообществ, — общественная апатия и «аморальный фамилизм» в условиях ограниченных экономических возможностей[6]).

Конечно, «здоровые [критерии/индикаторы здоровья и его противоположности — нездоровья — отсутствуют, но второе сводится к проявлениям «унаследованного всеми нами трайбализма»] современные сообщества пытаются компенсировать вторжение рынков и государства (тиранию большинства) с помощью других видов деятельности, которые укрепляют связи сообщества, таких как общественные собрания и соседские ассоциации» (с. 14)[7]. Метафорическая версия этого утверждения звучит еще убедительнее: «базирующиеся в сообществах движения против коррупции и кумовства снова и снова не позволяют Левиафану государства слишком комфортно устроиться вместе с Бегемотом крупного бизнеса» (с. 15). Однако представленные иллюстрации запутывают читателя: идеал автора — «динамичная рыночная либеральная демократия», для ее поддержания необходимы «здоровые сообщества», поэтому «авторитарные движения, такие как фашизм и коммунизм [?], пытаются заменить коммунитарное сознание националистическим или пролетарским [слишком неоднозначно коннотированные и многослойные понятия для иллюстрации очевидных вещей]» (с. 15).

В книге много путаных авторских объяснений, поэтому наиболее интересная и полезная для российского читателя ее часть — показательные кейсы расшатанности опор и их восстановления, призванные подтвердить основную идею автора: «Общество страдает, когда одна из опор ослабевает или укрепляется слишком сильно по отношению к другим. Слишком слабые рынки — и общество становится непродуктивным. Слишком слабое сообщество — и общество ведут к кумовскому капитализму, слишком слабое государство и общество — к опасливости и апатии. И, наоборот, слишком много рынка и общества ведут к несправедливости, слишком много

6. См., напр.: *Бэнфилд Э.* (2019). Моральные основы отсталого общества. М.: Новое издательство; *Троцук И. В.* (2020). Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения // Крестьяноведение. Т. 5. № 2.

7. Эта идея созвучна концепции «Второй России» и низовой мобилизации как вполне универсального феномена. См., напр.: Вторая Россия (2012): дифференциация и самоорганизация / Под общ. ред. А. М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; *Троцук И. В.* (2014). «Вторая Россия»: форматы «обнаружения» и дискурсивной презентации // Пути России. Новые языки социального описания. М.: Новое литературное обозрение.

сообщества и общества — к застою, а слишком много государства и общества — к авторитаризму» (с. 16). Вряд ли каузальные связи в современном глобализированном и глокализированном мире столь линейно просты, но декларируемая необходимость баланса бесспорна, и ниже мы попробуем кратко реконструировать авторскую аргументацию: книга слишком объемна и содержательно насыщенна, чтобы пытаться суммировать ее тематические линии, тем более что автор такую работу уже проделал в Предисловии и Введении (их чтением может ограничиться незаинтересованный читатель).

Итак, автор называет книгу продолжением другой своей работы (2010[8]), где он «выражал тревогу по поводу последствий растущего неравенства» на фоне глобального финансового кризиса, поскольку экономисты и политики не сделали из него правильный вывод — о необходимости «исправить глубокие разломы в развитых обществах и глобальный порядок» (с. 26). Поэтому новую книгу автор писал в куда более поляризованном мире, в условиях нагнетания и расширения «политики гнева и зависти» силами «популистских националистов и радикальных левых» [сегодня даже более опасны радикальные правые], и стремился наметить контуры более сбалансированного взаимодействия государства, рынков и сообществ. Поскольку последние могут выступать в двух противоположных качествах, в зависимости от того, кто и как их воспринимает и использует, — «тепло и поддержка» или «ограниченность и традиционализм», то задача — «получить больше от хорошего при минимизации плохого» посредством «уравновешивающего влияния на сообщество двух других опор — государства и рынков» (с. 27).

В первой части книги представлена своего рода историческая хроника становления государства и рынков в развитых странах, которые к началу XX века превратились в «либеральные рыночные демократии». Данный исторический экскурс показывает переход от европейского феодального поместья к национальному государству и конкурентным рынкам (упоминается и веберовская версия становления морально легитимного капитализма вследствие реформаторски-рационального осмысления расширяющихся рынков и растущего богатства), затем к конституционной модели, частной собственности и свободным рынкам (наделение все большего числа людей политическими правами было призвано компенсировать нехватку экономических возможностей и предотвратить революционные перевороты «немытой черни»), от них — к борьбе сообществ за более демократическую власть в интересах защиты труда (союз Бегемота монопольного предприятия с Левиафаном авторитарного государства обеспечил обоим стабильность). Необходимость исторического экскурса автор объясняет тем, что «опоры укрепля-

8. *Раджан Р.* (2013). Линии разлома. Скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике / Пер. И. Фридмана, Н. В. Эдельмана, под ред. Е. Поповой. М.: Изд-во Института Гайдара.

лись и ослабевали на протяжении истории, из-за чего баланс между ними нарушался; общество в конце концов приспособилось восстанавливать баланс; поскольку сегодня мы сталкиваемся с новым периодом дисбаланса, история должна дать нам некоторую уверенность в том, что мы найдем ответы» (с. 55).

Основной страновой «кейс» — Англия, «в первую очередь потому, что это было первое большое национальное государство с конституционно ограниченной властью... хотя путь Англии к ней и более свободным рынкам был незапланированным и уникальным... в конце концов многие страны пришли к той же конечной точке, хотя и по-своему» (с. 84). Кроме того, некоторые «инструменты» той эпохи востребованы и сегодня, но под другим названием, например, нынешний торговый протекционизм обеспечен не только нормативной базой и потому напоминает о прошлом, когда «умные монархи делали упор на национальную идентичность... национализм помогал оправдывать более высокие цены, поскольку они были издержками сохранения рабочих мест дома, таким образом делая нацию сильнее» (с. 97).

Другая аналогия с современностью — те многочисленные профессиональные союзы и ассоциации, что напоминают те «братские и дружеские общества», в которые превратились средневековые гильдии и торговые компании после того, как государство стало заимствовать средства напрямую у граждан, перестав наделять привилегиями те бизнесы, от которых ранее зависело: «гильдии в двух наиболее конституционно ограниченных и ориентированных на рынок европейских государствах — Англии и Голландии — стали в основном беззубыми... с ежегодными обедами, полными помпезности и показной роскоши, а также изобилия алкоголя, но в них мало реального бизнеса» (с. 99). Однако это характерно для крупных городов и больших компаний, тогда как в сельских поселениях депрессивных районов во многих регионах России немногочисленные предприниматели держатся друг за друга и оказывают определяющее воздействие на социально-экономическое положение местных сообществ. Неформальные взаимодействия предпринимателей с представителями местных администраций преодолевают те негативные последствия разрушения локальных сообществ, которые проявились уже на заре промышленной революции — «коммерциализация сельского хозяйства разрушила многие традиционные английские [можно подставить любую страновую принадлежность] деревенские сообщества... массы крестьян [сегодня сельских жителей] мигрировали в города в поисках работы» (с. 113).

Первая часть книги посвящена истории становления государства и рынков в их нынешнем формате, но многие описания не могут не вызвать ассоциаций с современностью. Так, промышленная революция «создала огромные новые возможности... и волны эйфории, подпитываемые финансами... а также продолжительные бумы в сфере кредитования и эйфорические подъемы цен на землю и ак-

ции, за которыми следовал крах... и повсеместное отчаяние» (с. 124). Схожие радиальные трансформации мы наблюдаем сегодня благодаря цифровым технологиям, особенно связанным с искусственным интеллектом, но их негативные последствия еще не достигли уровня «повсеместного отчаяния». В то же время не со всеми авторскими аналогиями между прошлым и современностью можно согласиться, например, что ситуацию в Китае и России (она не изменилась принципиально с момента опубликования книги в 2019 году) следует определять как «более мягкую версию тоталитарных режимов с контролируемым государством капитализмом» (с. 136). Столь же сомнительно, особенно в свете событий последних нескольких лет, что Китай и Россия — примеры «обществ ограниченного доступа»[9] (мало места для экономической и политической конкуренции, сообщества), тогда как либерально-рыночные демократии в развитых странах — «общества открытого доступа» (сочетание открытых рынков с сильным демократическим контролем над властью). Впрочем, автор отрицает, что «общества открытого доступа» — предел общественного развития и потому просто не могут «регрессировать к обществам ограниченного доступа из-за защищающих их сильных институтов» (с. 137): такой регресс возможен, что демонстрируют сегодня многие западные страны, не так давно считавшиеся непререкаемыми идеалами открытости.

Завершает первую часть глава о «месте сообщества в рамках баланса», основой которого автор считает все три опоры общества: независимый в силу своей производственной эффективности, рассредоточенности, многочисленности и разнообразия частный сектор за пределами государственного аппарата в рамках прозрачной системы конкурентного рынка, а не «уютно устроившийся в постели с государством» (такой частный сектор — источник финансирования правительственных партий, оппозиции и негосударственных организаций, платформа для выражения и организации общественного мнения); не самоподдерживающаяся и не коррумпированная государственная система, стимулирующая местное политическое участие и отказывающаяся от патронажа в пользу качественных услуг и формальных инструментов социальной защиты; активное сообщество, осуществляющее надзор за рынками и государством. На примере американской и французской школьных систем показаны возможности и ограничения разных моделей их взаимодействия с государством по таким основаниям, как (де)централизация, финансирование и (не)гибкость, каждое из которых подразумевает соответствующее (не)участие локального сообщества. Фактически сообщество и государство выступают как «буферы против неустойчивости рынка» (с. 170), что не вызывает сомнений, но тре-

9. См.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

бует уточнений: во-первых, буферная функция может быть даже более востребована при стабильном, но слишком свободном рынке; во-вторых, государство и сообщество реализуют буферные функции на разных уровнях — соответственно, макро- и микро- (скорее даже мезо-).

Во второй части книги на примере США и Западной Европы показано, как в послевоенный период «демократия обрела более прочные корни» за счет возрастания силы и влияния государства и рынков, а позже началось реформирование впавшей в состояние застоя системы благодаря усиливающимся сообществам. Три десятилетия послевоенного экономического роста на Западе автор объясняет в первую очередь политическим консенсусом: «Проведение государственной политики было предоставлено технократам... что позволило построить систему, которая была выгодна для всех стран... и создать ощущение, что государства наконец-то научились укрощать рынки и эффективно использовать свои возможности (кейнсианская политика стабилизации)» (с. 201).

Эти возможности — поддержания экономического роста и щедрого социального обеспечения за счет технологических изменений — вскоре были исчерпаны, что вынудило правительства нарушить данные гражданам многочисленные обещания (особенно в сфере здравоохранения и пенсий) и обратиться за помощью к рынкам, т.е. пересмотреть послевоенный антиконкурентный консенсус и перейти к политике либерализации и дерегулирования (и промышленного сектора, и финансовых рынков) по модели «рыночного фундаментализма». В результате «преобладающий консенсус в развитом мире сместился с антирыночного (жесткое государственное регулирование, в том числе активности сообществ) к антигосударственному (рыночные ограничения на государственную политику)» (с. 223), а «когда революция в области ИКТ начала оказывать влияние на рабочие места и торговлю... ни государство, обремененное долгами, взявшее на себя слишком много обязательств и крайне очерняемое, ни лишенное сил сообщество не были в состоянии удовлетворить потребности людей. Более того, в хорошие времена государства вводили иммиграционную политику, которая меняла состав сообществ, без должного понимания, будет ли иметь место объединяющая их необходимая эмпатия [крайне неудачный термин], когда времена изменятся... Технический прогресс быстро распространялся через глобально интегрированные рынки... и людям по большей части приходилось реагировать на изменения самостоятельно. Способные быстро и хорошо адаптировались (элитный верхний средний класс в США), что значительно усложняло жизнь остальным. Последних оставили жить во все более неблагополучных (экономически смешанных) сообществах (меньшинства, сконцентрированные в городских гетто, недавно потерявшие все рабочие из большинства и др.), с растущим возмущением против системы, которая была им навязана» (с. 224). Отсюда высокий

риск радикального популизма (примеры — президентство Д. Трампа и британский Брексит) — «электорат в развитых странах стал больше готов слушать радикальных политиков» (с. 276).

«Неравенство не только в экономических результатах (например, в уровне доходов у людей с разным уровнем образования, у доминирующих и прочих компаний, среди профессий и между отраслями), но и в возможностях (получить школьное образование и работу, выбрать сферу занятости, место жительства, брачного партнера и пр.) стало огромной проблемой... корни этого неравенства лежат не только в технологических изменениях, но и в неспособности сообщества (ослабленного) и государства (ограниченного идеологически и финансово) сбалансировать и регулировать рынки (свободные и находящиеся на подъеме)» (с. 227).

Завершая вторую часть, автор обращается к историческому опыту «другой половины мира» — Китая (пример рыночной либерализации под контролем партии, перехода от предпринимательского капитализма к государственному) и Индии (пример динамичной и хаотичной, первоначально апатичной и неконкурентоспособной демократии, постепенного отказа от фиктивного социализма), чтобы объяснить причины роста популизма. Два страновых «кейса» охарактеризованы как необычайно быстро растущие «развивающиеся рынки», у каждого из которых «есть свой вид дисбаланса: в Китае сильное государство, в котором доминирует Коммунистическая партия... в демократической (обретшей независимость от Британской империи) Индии задача состоит в том, чтобы сделать государство более эффективным, наложив на него более жесткие конституционные ограничения, что требует более независимого частного сектора» (с. 190).

В Китае избыточные производственные мощности (вследствие огромных инвестиций, которые не всегда проверяются на рыночную оправданность, но обязательно субсидируются) обусловили неподъемное долговое бремя корпораций и местных органов власти, чрезмерную зависимость экономического роста от экспорта, развитие разных форм неравенства и приближение к глобальным пределам производительности в ряде отраслей, поэтому рынку предоставляется все больше контролируемой государством свободы. В то же время Коммунистическая партия продолжает устранять внутрипартийную демократию и усиливать монополию на политическую власть, движется в направлении ужесточения контроля и централизации и периодически испытывает искушение «подменять своей мудростью мудрость рынка», т.е. в будущем «величайшей слабостью Китая может оказаться его до сих пор самая большая сила — Коммунистическая партия и ее стремление к сохранению власти» (с. 326). «Китаю нужен более подходящий баланс — сегодня партия доминирует над государством [правящая партия — это четвертая опора?], а рынки подавляются. Старые пути к экономическому росту более нежизнеспособны. Новые способы роста [гиперфиксация автора на «росте» вызывает те же обоснованные со-

мнения, что привели к утрате «прогрессом» своей «легитимности» в научном и политическом дискурсах] требуют большего акцента на инновациях и эффективного распределения ресурсов, и меньшего — на финансовых репрессиях и борьбе с коррупцией [казни высокопоставленных китайских чиновников обычно так «радуют» российских комментаторов, что они предлагают заимствовать этот радикальный инструмент для нашей не готовой к его применению правоохранительной системы]... нужно больше децентрализации, но с более четкими правилами на региональном уровне... больше свободы и независимости для рынка и сообщества» (с. 332–333).

В более плюралистичной и открытой политической системе Индии больше возможностей для контроля сообществами государства и рынков, но частный сектор здесь слишком зависим от государства, а оно слишком слабо и чрезмерно бюрократизировано, поэтому оставляет слишком много социальных вопросов «без присмотра». Автор называет два преимущества Индии на пути к либеральной демократии — последовательная децентрализация (до муниципального уровня) и демократический характер управления до индустриализации, т.е. до становления сильного государства и «здоровых рынков». Но также отмечает две серьезные проблемы страны: индийский частный сектор — рыночная опора — «по большей части приветствует всю политику правительства», поэтому «в обществе все еще есть ощущение [непонятно, как оно было «диагностировано»], что крупнейшие магнаты добились своего благодаря способности манипулировать системой... и очень немногие готовы высказаться против действующей системы, не говоря уже о том, чтобы предпринять какие-то шаги, чтобы противостоять ей» (с. 340); неэффективное государство, которое «пытается реформировать себя... привнеся профессиональные знания со стороны и используя информационные технологии для оптимизации предоставления своих услуг и денежных трансфертов населению» (с. 342).

В третьей части автор предлагает устранить накопившиеся противоречия, «уравновесив три опоры перед лицом технологических изменений... бо́льшим локализмом [что бы это ни значило[10] —

10. В некоторых абзацах этот локализм напоминает понятие социетального общества в трактовке Дж. Скиортино, особенно применительно к (трудовой) иммиграции, которая подробно и с многочисленными примерами рассмотрена в третьей части книги, преимущественно в контексте расширения и усиления политического влияния популистских националистических движений и характерной для них медийной риторики. См. подробнее в: *Sciortino G.* (2021). A blueprint for inclusion: Talcott Parsons, the societal community and the future of universalistic solidarities // American Sociologist. Vol. 52; *Sciortino G., Colombo A.* (2004). The flow and the flood: Immigrants in the Italian newspaper discourse // Journal of Modern Italian Studies. Vol. 9. № 1; *Sciortino G.* (2013). Immigration in Italy: Subverting the logic of welfare reform? // Europe's Immigration Challenge: Reconciling Work, Welfare and Mobility / Ed. by G. Brochmann, T. Jurado. London: Tauris.

то новый локализм, то связанные друг с другом инклюзивные сообщества], чтобы придать новые силы сообществу, опираясь при этом на государство и рынки, чтобы сделать общество более инклюзивным [что бы это ни значило]» (с. 28). Автор пытается пояснить суть «инклюзивного локализма» от обратного, описывая его нежелательную альтернативу: «Проницательные популистские националистические политики подчеркивают исключительную национальную идентичность, которая служит заменой ослабленной идентичности сообщества... сплачивают коренное население против [избирательно критикуемых] меньшинств, иммигрантов... международных организаций... погружая свои страны в ностальгический... или мускулистый национализм», а нужно «заручиться поддержкой центростремительных сил в местном сообществе, чтобы компенсировать центробежные силы глобального рынка» (с. 354).

Последние пять глав книги посвящены «потенциальным средствам для осуществления этого», но на деле автор лишь отмечает, что «конкретные платы будут варьироваться в зависимости от страны и местоположения, а их детали должны будут учитывать трудности реализации», предпочитая, «вместо того, чтобы сосредоточиться на деталях, объяснить, почему [его] предложения идут в правильном направлении... Государство будет нести ответственность за создание инклюзивной среды на национальном уровне, используя рынки с открытым доступом для включения и соединения друг с другом множества разнообразных местных сообществ» (с. 353).

Это прекраснодушное и утопичное предложение: несмотря на обещание автора описать предлагаемый им локализм для страны с разнородным населением («возвращение власти людям, от международной сферы к нациям и внутри наций от федерального к региональному уровням и уровню сообщества... строгое соблюдение принципа субсидиарности — полномочия должны оставаться на наиболее централизованном уровне, совместимом с их эффективным исполнением» (с. 353), мало что проясняет для читателя, задающегося традиционным русским вопросом «что делать» в практической плоскости. Содержание заключительных глав книги скорее иллюстрируется примерами, чем конкретизирует способы действия (чего ожидаешь от бывшего руководящего сотрудника международной организации) для претворения в жизнь таких гуманистических призывов, как: «чтобы у государства было не так много власти... чтобы оно могло сокращать экономическое неравенство возможностей между сообществами или создавать общие активы, которыми движима сильная нация... ключевой момент в каждой сфере (предоставление общественных благ, создание способностей и поддержание надежной сети социальной безопасности) — объединение ресурсов и национального охвата государства с местной информацией и вовлеченностью сообщества, при использовании, по возможности, новых технологий [допускается такая невозможность, т.е. информационно-коммуникативное неравенство?] (с. 377).

Другая цитата, основанная на идее автора, что «общество вечно стремится к новому равновесию посредством разбалансировки трех своих опор» (с. 479): «Когда появляются дисбалансы, часто возникает соблазн подрубить все опоры до высоты самой низкой из них. Как правило, это приведет к возвращению равновесия, но на гораздо более низком для общества уровне [вновь имплицитная идея прогресса]. Гораздо лучше [для кого?] снижать опору только в случае крайней необходимости, и вместо этого сосредоточиться на возвышении всех опор до наивысшего общего уровня. Только так общество будет прогрессировать [куда и каковы критерии прогресса?]. В этом ключе соблазн сегодня будет заключаться в том, чтобы ограничить конкурентные рынки [это уже делают многие государства и регионы, но для других целей], чтобы дать сообществам шанс на восстановление. Это может привести к другим проблемам, таким как кумовство, от которых трудно будет избавиться. Вместо этого лучше усовершенствовать функционирование рынка, переориентировав государство и укрепив сообщество» (с. 477–478).

Подчеркнем: мы не критикуем автора, поскольку вряд ли в принципе можно сформулировать некий пошаговый план действий для достижения социального благополучия посредством нужной и правильной [с чьей точки зрения?] балансировки трех опор общества, а отмечаем «несбалансированность» его позиции (невыполнение данных читателю обещаний). В одиннадцатой главе перечислены общие моменты в реальных практиках возрождения сообществ в разных странах, и среди них не упоминаются рекомендуемые автором «инструменты» — список совершенно другой: «небольшая и полная энтузиазма команда, возглавляющая усилия (лидеры местного сообщества); объединение разных игроков в сообществе; выявление, использование и улучшение ключевых активов в сообществе, включая человеческий капитал [в сельских сообществах это зачастую единственный актив]; акцент на изменении имиджа сообщества путем устранения критических недостатков [российская практика развития малых городов и сел как туристических локаций говорит о другом пути — подчеркивании критических преимуществ]; ...вовлечение членов сообщества, когда они видят некоторые признаки успеха и начинают гордиться им [часто выживают те сельские сообщества, чьи упертые члены продолжали действовать, невзирая на постоянные неудачи]» (с. 414). Возрождение/усиление локального сообщества более вероятно, если в нем сохранилось/появилось важное общественное пространство (например, библиотека или школа), приехал кто-то способный встряхнуть местных жителей от «апатии, цинизма и отчаяния» (например, горожане со значительным социальным капиталом — в угасающее село[11]), и, по-

11. См., напр.: *Божков О. Б., Игнатова С. Н., Троцук И. В., Никулин А. М.* (2022). Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье: социологические очерки по мотивам полевых наблюдений. М.: Издательский

мимо государственных и банковских программ, существуют иные источники финансирования (благотворительно-филантропические).

Допустим, «расширение прав и возможностей заставит каждого [сомнительно] взять на себя определенную ответственность, и станет труднее предаваться апатии или поиску виновных [еще более сомнительно], что позволит группам поддерживать идентичность, культурную преемственность и сплоченность [вряд ли все сразу или в такой последовательности]» (с. 353), но с помощью каких нормативных и финансовых инструментов? Понятно, что государство может законодательно гарантировать рыночную открытость сообщества и его право регулировать местное производство, но в ситуации объективного неравенства откуда у сообщества возьмутся ресурсы на производство и выход на рынок? Упоминаемая свобода передвижения людей относительно сообщества и так гарантирована законом [рабство и крепостное право отменены], но вряд ли открытый рынок со всеми своими возможностями извлечения выгоды и передвижения людей способен превратить сообщество в продуктивное и автономное, не говоря уже о жизнеспособности и тем более жизнерадостности. Например, российское государство декларативно поддерживает слабые сообщества в создании инфраструктуры и улучшении качества школьного образования, внедряет технологические решения для контроля сообществами местных органов власти и т.п., но эти декларации недостаточно финансируются и/или не учитывают локальные условия, а потому не формируют дееспособную третью опору.

В заключение отметим, что в книге настолько много важных тематических линий, что она может быть востребована и как своего рода справочное издание. Например, исследователям сферы образования книга, по сути, предлагает мозаично разбросанный по разделам обзор взаимодействия сообщества со школой, причем с интересными иллюстрациями из прошлого и настоящего самых разных стран: «многие успешные школы опираются на родителей при формировании школьных советов, для укомплектования персоналом и поддержки внешкольных программ, а также для предоставления средств на оборудование, которое не учитывается в обычном бюджете... в равной степени учителя из сообщества могут работать над созданием альтернативной местной социальной поддержки для учащихся, чьи семьи распались... школы позволяют родителям выстраивать дружеские отношения и вместе работать в общем начинании» (с. 35), но только если «рынок не подорвал роль сооб-

дом «Дело» РАНХиГС; *Виноградская О. Я.* (2019). Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. Т. 4. № 3; *Овчинцева Л. А.* (2021). Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 2.

щества в обеспечении равного доступа путем создания неравных сообществ» (с. 288).

Отталкиваясь от понятия «неравные сообщества», видимо, следует уточнить, что столь значимую роль школа может играть только в определенном сообществе, и в России это небольшие сельские поселения[12], но никак не крупные урбанизированные центры даже на уровне отдельных районов, что автор неоднократно подтверждает, например, уточняя функции сообщества: «Система неявной ответственности и обеспечительных мер, существующая в сообществе, может быть гораздо более эффективной для защиты скота и минимизации транзакционных издержек, чем использование явных контрактов и правовой системы... сообщества предоставляют человеку чувство контроля над своей жизнью и чувство общественной ответственности» (с. 40–41). Или же отмечая, что «в небольшом сообществе каждый заинтересован в благополучии всех остальных [недостает уточнения, что речь идет о «здоровом сообществе»]... по мере роста сообщества мы становимся избалованы выбором... и сложностью отслеживания индивидуальных трансакций, что может навредить сообществу» (с. 46–47) — это описание напоминает общую логику урбанизации.

Community as the basis of social well-being: State, markets, schools and other actors of “inclusive localism”[13]

Review of the book: Rajan R. (2025) The Third Pillar. How Markets and the State Leave the Community Behind. Transl. from English by S. Moiseev. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. — 488 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Rustam R. Ishmukhametov, PhD (Sociology), Associate Professor, Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan. Mingazheva St., 120, Ufa, Bashkortostan, 450005, Russia. E-mail: rustish@list.ru

12. См., напр.: *Ишмухаметов Р. Р.* (2025). Роль родителей в обеспечении устойчивости сельских школ (результаты разведывательного исследования в Республике Башкортостан) // Крестьяноведение. Т. 10. № 4.
13. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.